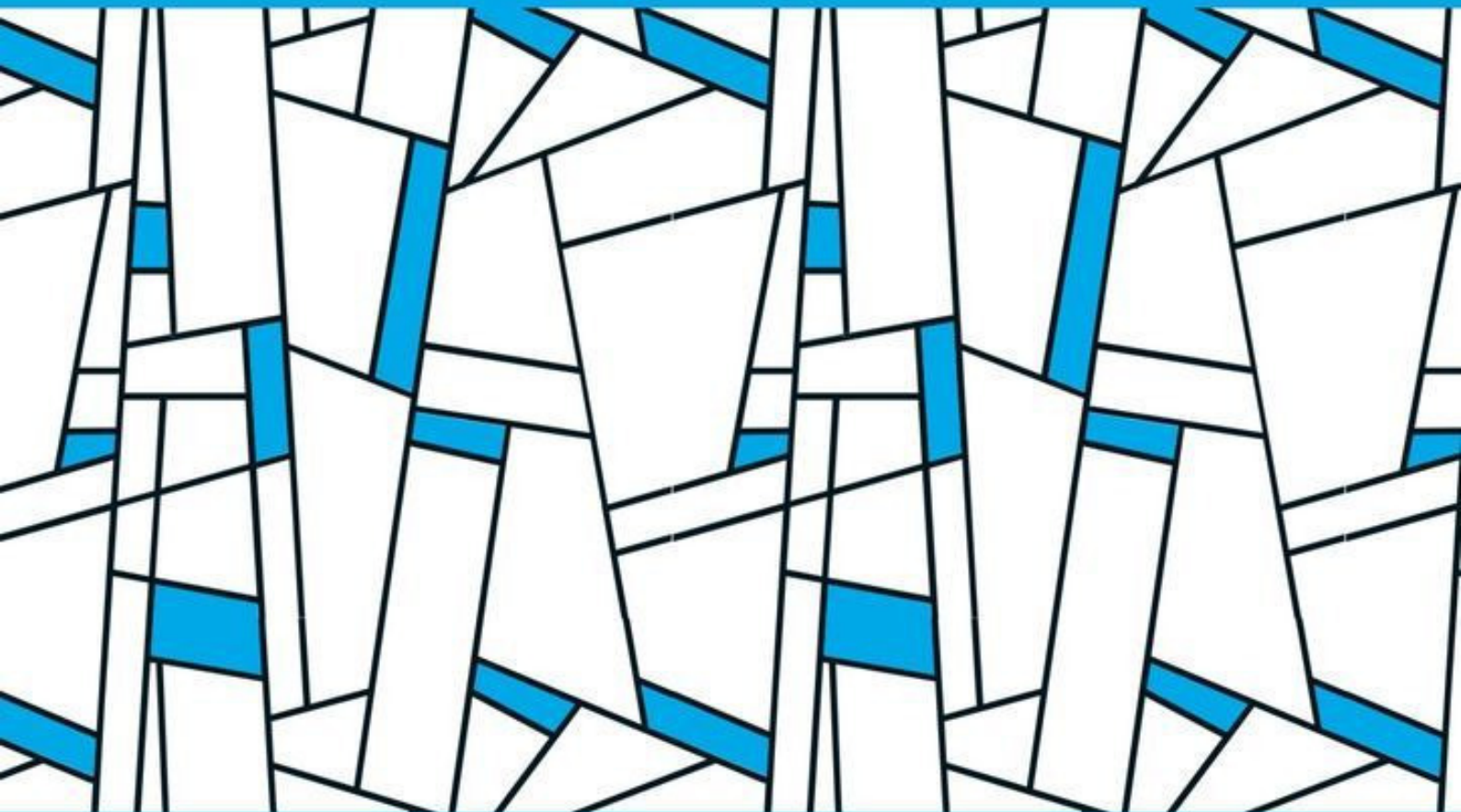

18+

Берус Виталий

ПАЗЛЫ. СБОРНИК РАССКАЗОВ И ЭССЕ

Берус Виталий

Пазлы. Сборник рассказов и эссе

«Издательские решения»

Виталий Б.

Пазлы. Сборник рассказов и эссе / Б. Виталий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555234-1

Наша жизнь — это игра в пазлы, попытка собрать все фрагменты в целостную картину. Каждый рассказ — пазл, фрагмент жизни и ее восприятия. Собрать картину не просто. Многие даже и не пытаются, поскольку и фрагментов то фиксируют. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-555234-1

© Виталий Б.
© Издательские решения

Содержание

РАССКАЗЫ	6
Ноябрьские волнения	6
Отличница	8
Дремлет притихший...	12
Звездолубивый Санька	15
Метафизический метастаз	18
Памятник	21
Липовые аллеи	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пазлы. Сборник рассказов и эссе

Берус Виталий

© Берус Виталий, 2021

ISBN 978-5-0055-5234-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАССКАЗЫ

Ноябрьские волнения

7-го ноября 1971 года участковый районного отделения милиции пятидесятипятилетний старший лейтенант Владимир Николаевич Ремизов лишился последней надежды на получение предпенсионной капитанской звездочки. Событие это, само по себе рядовое, для историка – ничтожное, для литератора – банальное, даже и событием-то не назовешь. Однако обстоятельства, ему сопутствовавшие, все-таки, на мой взгляд, достойны оформления в маленький такой рассказик, пусть даже призванный «кануть в лету» сразу же после появления на свет.

На участке Владимира Николаевича проживал некий Алеша Пешков. Собственно, этому «Алеше» было уже под сорок, но все продолжали звать его именно так. Помимо знаменательного сочетания имени и фамилии за Алешей числилось множество других достоинств. Он, например, никогда не отказывал в помощи насчет чего-нибудь донести, погрузить, разгрузить – поэтому ни один переезд в райцентре без него не обходился. Будучи неплохим каменщиком и плотником, Алеша участвовал в строительстве доброй половины домов, появившихся в округе за последние 10—15 лет. За работу брал недорого, иногда дело для заказчика обходилось вовсе лишь водкой да харчем. Видимо, все эти Алешины добродетели в сочетании с его внешностью – голубые глаза, излучавшие до странности добрый взгляд, чуть вздернутый нос и какая-то смиренная сутулость – перевешивали один его недостаток, о котором люди вспоминали очень редко и не иначе, как с совершенно беззлобной усмешкой. Правда, этим недостатком интересовалась районная милиция, но ее внимание Алеша ощущал на себе только один день в году. Кроме милиции Алешиным пороком занималась психиатрическая больница, официально его засвидетельствовавшая в виде какой-то справки, один экземпляр которой хранился под стеклом в кабинете участкового Ремизова.

Дело в том, что каждый год, вечером 6-го ноября Алеша начинал ощущать какое-то непонятное, гнетущее беспокойство, нараставшее медленно, но неотвратимо, и к полуночи полностью овладевавшее всем его существом. Алеша начинал метаться по дому, совершая множество бессмысленных действий. Он то забегал на кухню и включал плиту, но, постояв над ней минуту, выключал, то выбегал на крыльцо и закуривал, а через секунду ломал сигарету и вбегал обратно, то просто наматывал круги по залу, что-то бормоча себе под нос. Наконец, кидался в чулан, доставал невесть зачем припасенные ватман и краски и с лихорадочным усердием начинал что-то малевать. Утром, часам к девяти, осунувшийся и посеревший, Алеша неожиданно затихал и садился за кухонный стол, напряженно чего-то ожидая. Через несколько минут в дверь неизменно стучались, и Алеша, вздохнув с какой-то судорожной обреченностью, шел открывать, зная, что это пришел Ремизов. Участковый входил, проходил в зал, снимал фуражку и, приглаживая редкие волосики, своей курчавостью намекавшие на существование некогда буйной шевелюры, с отеческой ласковостью говорил: «Намаялся, небось, бедный ты мой, ишь, как ярко вывел! – Ремизов слегка поддевал сапогом, лежавший посреди зала транспарант. – Ну, Алеша, пойдем, что ли? Там тебя сержант Карнаухов заждался, в картишки перекинетесь, я вам, по случаю праздника, по „сто грамм“ приготовил. А часиков через пять пойдешь домой». Алеша виновато улыбался, быстренько собирался и шел вслед за Ремизовым в участок.

7-го ноября 1971 года участковый нарушил, уже было прочно сложившуюся в Алешиной жизни традицию – не пришел. То ли Ремизов забыл, что все-таки маловероятно, то ли купился на безобидную Алешину покорность и понадеялся что тот сам, по привычке, придет в участок, – трудно сказать с точностью. Алеша же, прождав до половины десятого, вдруг вышел из напряженного оцепенения, в котором сидел на кухне, и метнулся в зал. Свернув и сунув под

мышку транспарант, он выскочил на улицу и, воровато оглядываясь, трусцой побежал к центральной площади. К тому времени по площади уже протопала рота солдат из располагавшегося неподалеку от городка батальона внутренних войск, и начиналось движение колонны демонстрантов. Алеша ловко юркнул в толпу машущих флажками, плакатами, шариками людей и занял позицию поближе к когорте знаменосцев, при этом он ссутулился так, словно хотел остаться совершенно незамеченным. Тем не менее, его заметили, и кто-то крикнул: «Смотрите-ка, Алеша появился! Щас чтой-то буудет!» В ответ раздался громкий смех.

Когда группа знаменосцев поравнялась с трибуной, Алеша, расталкивая локтями людей, пробрался в самый ее центр и, превратившись из сторбленного мужичонки в рослого молодца с горящими глазами, развернул транспарант, на котором сочной черной краской, здорово контрастировавшей с алыми полотнищами, было написано крупными, жирными буквами: «ДОЛОЙ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ РАЙКОМА АЛЕКСАНДРА ЗАВИРЮХИНА! БАБНИКА И КАЗНОКРАДА!! ЗЛОБНОГО НАРУШИТЕЛЯ МОРАЛЬНОГО КОДЕКСА СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА!!!»

Маленький эпилог к маленькому такому рассказу.

С того дня прошло более двадцати лет – временная дистанция, уже способная отделить историю от живой реальности сегодняшнего дня. Ремизов умер, нет в живых и Завирюхина. Алеша же последнюю свою ноябрьскую «общественно-политическую акцию» провел в 1990 году: при своем достаточно солидном возрасте он умудрился влезть на крышу газетного киоска, откуда предлагал прохожим купить по десять рублей за штуку мыльные пузыри, которые тут же производил при помощи соломинки и воды с шампунью, налитой в кружку.

Впрочем, «оптовым покупателям» он соглашался «скинуть трёшку».

Отличница

В далекой сибирской деревне, морозным ноябрьским утром выходного дня выпивали мама с дочкой. С утречка, водочку, под квашенную капустку, да в день народного единства. Ну и что, скажете вы, всякое бывает, тем более, взрослые же «девчонки», – одной за 60, другой – под 40. Да все вроде бы обычно, только дочка была не проста: подполковник полиции и кандидат педагогических наук, школа с медалью и университет с красным дипломом. Но жизнь у отличницы, кстати, еще и смазливой, как-то не сложилась. Работала она когда-то в вузе МВД, да попала под сокращение, не в последнюю очередь, видимо вследствие своего не уживчивого, со странностями характера. Легко могла «настучать» на коллегу, а потом, как ни в чем не бывало, обратиться к нему же за помощью: чего, мол, обижаться, «это же рабочие моменты». Как то тиснула в институтской газетенке «Служа народу» стишок о цветочках, лесочках и страданиях по России, а заканчивался он так: «...и мысли все о смысле бытия». Гуманитарная кафедра давилась смехом и печенюшками с чаем: ты глянь, она еще и с претензией на философское осмысление! При этом из пистолета стреляла как ковбой, а бегала на спортзачетах, как его лошадь. Наморщив аккуратненький носик и отключив обтянутую форменной юбкой попку в «штурмовой» стойке, она неизменно всаживала свои четыре пули в мишень. Инструкторы из «огневой» кафедры, с трудом оторвав взгляды от ее зада, и глянув в монитор тирного компьютера, только плечами пожимали – откуда что берется, при ее-то сугубо гражданском образовании!? Опасались коллеги этакой непредсказуемости, вот и «помогли» ей «сократиться». Теперь она дотягивала до заветной «двадцатки» в районном отделе, вдали от областного центра. В личной жизни у нее тоже «не зер гуд» было. Мужики боялись этой «лапочки» как смерти, поскольку беспощадна была: ходила туманная и зловещая легенда о том, как сделавшись любовницей некоего чиновника, она лихо развела его на приличную сумму «откупных», пригрозив заявлением об изнасиловании, да «покаянным» письмом к жене.

Видимо что-то на этот счет ей мамаша, под хмельком, и высказала. Но «девочка» была крепко на жизнь озлоблена, дала мамане в лоб, однако и мамаша не плоха – ответила. Клубящийся паром, дерущийся, воющий и грызущийся бабий клубок выкатился из избы на улицу, видимо дома пространства и свежего воздуха уже не хватало.

На свою беду мимо проходил участковый, старший лейтенант Сорокопьятов. Он же участковый, от слова, стало быть, участие, а может быть и участь. Он и поучаствовал, смело вошел во двор и сказал дерущимся бабам «брэк»! Та, которая дочка, спокойно развернулась, и четким ударом женского сапога, поразила промежность участкового. Хрипящий и обиженный участковый временно отступил, но рука его тянулась к мобильнику.

На удивление быстро прибыл наряд, патрульники, хоть и не спецназовцы, но крепкие все же парни. Вы думаете, они запросто повязали нашу героиню? Как бы ни так! Двоих она вогнала в растерянность точными и решительно нанесенными ударами все того же женского сапожка: если носком, да в голень, – то, знаете ли, больно! А когда ее все же взяли «под ручки», она, в яростном экстазе вырвалась, упала, разбив в кровь губы и лоб. Так ее и привезли в отдел, с перекошенным от злобы на весь «блядский мужицкий мир», окровавленным личиком. Между прочим, суровые сибирские менты очень даже осторожно выводили ее из машины, заляпанное кровью служебное удостоверение, дивясь и матерясь, разглядели.

Отдел в тот день проверял прокурорский. Видит, отдел как отдел, можно, конечно, по мелочам придрататься, но, оно того стоит? Вдохнул, прикрыл свою папочку, и уходит собиравшись, не солоно хлебавши. Вдруг, видит, – из патрульной машины во дворе под руки вытягивают окровавленную, и вполне даже ничего себе, женщину! Ни хрена себе! Да тут все налицо (вернее, на лице)! И грубость в работе с населением, и превышение полномочий, да мало ли еще чего можно «копнуть»! Он встrepенулcя: «Ко мне ее, – кричит, – в кабинет!».

Вообще-то, это был ее шанс, да и его тоже. Но на почти нежно и трепетно произнесенный вопрос: «Вас обидели?», – она глянула мутным взглядом, и произвела прямой удар в прокурорский нос. И, опять же, удачно попала, аж сопли во все стороны полетели. Четыре удара, четыре попадания, – оценка за упражнение – «отлично»!

ПОЧЕМУ АНГЛИЧАНЕ ГОВОРЯТ ПО-АНГЛИЙСКИ

«Наш самолет следует по маршруту Санкт-Петербург – Новосибирск, высота полета...» – женский голос с легкой хрипотцой возвещал и успокаивал: летим господа-товарищи, полет нормальный.

Бузин прикрыл глаза в надежде заснуть, усталость отзывалась внутренней дрожью и легким звоном в ушах.

Круговерть последних дней его трехмесячного пребывания в Питере была такой, что к концу дня он еле передвигал ноги, а ночью вспоминалось недоделанное, какой тут сон. В спешке, забывались документы, пропадали из поля зрения нужные люди, даже компьютер найти в начале девяностых в чужом городе было проблемой (о существовании мобильных телефонов большинство тогда лишь слышало). И все это замешивалось на сомнениях в благополучном исходе, а еще, ему так хотелось вернуться домой к Новому году, вот никогда, наверное, больше так не хотелось... Ему казалось, что великолепный Питер медленно, с каменной неуступчивостью, вытягивает из него силы и способность радоваться. В голове вертелось: «Этот город создан не для живых, его строгая красота меня доконает».

Но получилось – диссертацию защитил, документы быстро собрал. Ученый секретарь, женщина с интеллигентской язвительностью во взгляде, усиленной диоптриями очков, на следующий день после защиты предупредила: «Вы, молодой человек, с бумагами не затягивайте. А то, знаете ли, на радостях...», – какая радость? На защите не улыбнулся ни разу. Председатель диссертационного совета, для которого все это давно стало рутиной, усмехаясь, молвил: «Вы, прямо-таки по-уральски суровы: его хвалят, а он даже не улыбнется». Помнится, в ответ хмуро буркнул: «Я из Сибири», – что неожиданно развеселило петербургского мэтра.

Тридцатого декабря, в десять утра он уже отправлял в ВАК свое дело, а в одиннадцать из окошка авиакассы бледнощекая кассирша с герпесом на нижней губе ему ответила: «В Барнауле билетов нет, – но, глянув, на его обессилено умоляющую улыбку, предложила, – на завтра есть Новосибирск, оформлять?»

– А во сколько он прилетит?

– В семнадцать ноль ноль местного времени.

«Час-полтора от Толмачево до автовокзала или жэ-де..., а там, если в семь вечера выеду, к половине двенадцати буду...» – пронеслось в голове. О зыбко балансирующем «если», он старался не думать.

– Оформляйте!

Сзади раздался писклявый детский голос, пронзивший ровный гул самолета и больно отозвавшийся в голове.

– А что тетя говорит? – женский голос по-английски дублировал информацию о полете.

– Это она по-английски все повторяет. – Привычно монотонно отвечала ребенку мать.

– А зачем по-английски? – не унимался почему-то.

Бузин отчего-то представил себе мозглявого и ушастого мальчишку лет пяти и раздраженно подытожил: «Поспал!».

– Чтобы англичанам было понятно. – Отвечала мать.

– А кто это англичане? – не унимался почему-то.

– Люди, которые живут в Англии.

– А англичане тоже в Новосибирск летят? А почему?

Бузин усмехнулся: «Действительно, с чего бы это им?»

– К папе на Новый год? Как мы? – не унимался малыш.

Почему-то представилось, что невидимая мама вздохнула.

– В гости, в гости.

– А почему англичане говорят по-английски? – Бузин прислушался: интересно, что она ответит?

– Прекрати баловаться с печеньем! Весь в крошках! Сядь спокойно, извертелся весь! – Голос матери сделался таким же высокочастотным, как и у сынульки.

«Получил, – с некоторой долей злорадства подумал Бузин, – сейчас будет обрыв коммуникации, и они успокоятся». Но, перед тем, как действительно примолкнуть, ребенок громко прокричал: «Дольчики, черртовски хороши!» – и звонко рассмеялся.

Лица, звуки, слова, – все тонуло вязкой и потливой дремоте, откуда-то выплыло выражение – «звучащие видения», нет, вдруг ставшие видимыми слова.

Бузину приснился пьяный шофер из поезда, на котором три месяца назад он ехал в Санкт-Петербург. В замызганном спортивном костюме, поджарый, кадыкастый и скуластый, с почерневшим от пьянства лицом, он пробирался по проходу плацкартного вагона к проводникам за очередной бутылкой водки. Его нещадно мотало, колотило о твердые углы, при этом, с таинственной ловкостью он избегал столкновений с людьми, беспрестанно бормоча себе под нос: «Дольчики, чертовски хороши!»

Ночь до Новосибирска ехал в плацкарте один. А в Новосибе подсели эти: примерно одного с ним возраста, веселые, общительные. Выпили за дорожку, разговорились. Оказалось, они едут в Питер, чтобы обратно своим ходом перегнать на продажу машины, кажется какие-то грузовые. Он удивился, что они не боятся пить, на что тот шофер ответил: «Шеф нам сказал, пейте в поезде, а на месте рты проволокой закручу». В застольном разговоре Бузин опрометчиво ляпнул, что едет защищать диссертацию по философии.

На следующий день они продолжили, поочередно мотаясь к проводнику за водкой. Бузин наотрез отказался, уткнувшись в книжку. Но время от времени, этот, с «дольчиками», приставал, дыша водочными парами:

– Вот, скажи, ну, защитил, ты диссертацию, так? Значит, вроде как права получил? Нет, ну так? – оборачивался он к своим пьяным компаньонам, которые кивали, и согласно мычали: «м-м-ну-да». – Только у меня права шофера, по ним я могу ездить, а у тебя, получается, права философа, по ним... что ты можешь по ним?

– Преподавать философию, – фальшиво улыбаясь, отвечал Бузин.

– Вот! Тогда скажи, в чем смысл жизни? Этому же философы преподают.

«Так и знал! – с досадою на самого себя, думал Бузин, – хорошо было наставникам в буддийских монастырях, отваживавших особо докучливых ответами типа: „...это хлопок одной ладонью“ или: „Будда – это дырка в клозете“. Но здесь такой номер не пройдет, надо что-то вроде...».

Перед глазами плыло и пылало, волнообразно дрожа это худое, черное, скуластое, с движущимся острым кадыком и черными глазами-щелочками лицо, из запекшихся губ которого вылетает, растягиваясь во времени: «в че-е-м смы-ы-с-ы-л жи-и-ззз-ни-и-и..., чер-р-р-товски хоррро-ш-и-и...». Вдруг, он спускается по лестнице, вот видит ступеньку, наступает, и..., проваливается..., словно сквозь вату в ушах слышится короткий вскрик.

Проснулся с бьющимся где-то под самым сознанием сердцем и испариной на лбу. Оказывается, самолет ухнул в воздушную яму, и теперь его трясло и болтало так, что по всему салону слышался скрип, стук и треск, казалось, что снаружи по обшивке барабанит крупный град. На световом табло горело «пристегните ремни», пассажиры сидели тихо, хотя слева впереди кто-то, наклонившись вперед, содрогался всей спиной, видимо тошнило. «Вот тебе бабушка и турбулентность! – подумал Бузин. – Сколько летал, никогда такого не было». Самолет начал плавно крениться вправо. «Ой, ой, ой!!!» – запричитала в хвосте какая-то гражданка. «Ну

не падаем же!? Не так же падают!? Наверное, зону обходят, или как это у них, небесных „сталкеров“ называется!» – вились и прыгали в голове тревожные мысли, вот-вот готовые раствориться в животном страхе. Но через несколько минут лайнер выровнялся, болтанка исчезла, люди расслабились, уже шутили и смеялись, обтряхивались, утирались влажными салфетками, в проходе появились стюардессы, милое «личико» авиалиний. Сзади снова ожил «ультраписклявый» голосок.

– Мама, а это мы падали, а теперь не падаем?

– Нет, это мы в воздушную яму попали.

– А почему...

– Тихо, помолчи! – вскрикнула мамаша, оборвав своего почемучку.

Салон заполнил устало-равнодушный баритон командира экипажа: «Уважаемые пассажиры, по метеоусловиям, посадка будет произведена на запасном аэродроме, в аэропорту имени Германа Титова города Барнаула».

– Вот теперь точно яма! – не без юмора, хотя и черного, высказалась мама почемучки. Мальчишка благоразумно помалкивал.

Словно оглушенные, люди несколько секунд молчали, затем по салону прокатился приглушенный ропот недовольства. Самолет должен был приземлиться где-то около шести часов вечера, но до родного города им останется преодолеть еще более двухсот километров..., тридцать первого декабря..., теперь им.

Бузин закрыл ладонями лицо, чтобы скрыть радостно-глуповатую улыбку, непроизвольно растягивающую губы. Он давно не верил в чудеса, даже в раннем детстве, кажется, никогда не верил в Деда Мороза. С другой стороны, наверное, все-таки втайне верил, раз поперся тридцать первого декабря, даже не представляя, как будет добираться до своего города, имея в кармане, да практически ничего не имея. «Значит, чудеса случаются, только вот, почему-то, чтобы чудо явилось ко мне, сотне человек должна была „прилететь“ неприятность. Даже радость выказать неприлично. В конце концов, не катастрофа же, ну..., новогоднее приключение у людей, сейчас им паскудно, потом будет, что вспомнить..., даже посмеяться», – вроде бы уже и оправдывался он.

В небольшом зале «родного» аэропорта он, наконец, разглядел «звонкого» мальчишку и его маму, – в самолете оборачиваться было неудобно. Мальчик оказался вовсе даже не мозглявый, а весьма упитанный и розовощекий, ушей под кроличьей шапкой не было видно. Так что тут воображение Бузина промахнулось. А мама оказалась стройной молодой сероглазой женщиной, ей очень шло приталенное пальто с капюшоном, прямо-таки «брыльска-надя» из «Иронии судьбы», или это уже фантазия Бузина навела на нее свою новогоднюю оптику. Она держала сына за руку, растерянно оглядываясь, и ее растерянность тоже показалась по-новому годней милой и трогательной. Хотелось их как-то поддержать, подбодрить, но он лишь спросил у нее: «Телефон ищите?»

– Да, подскажите.

Бузин кивком указал направление, и подмигнул пацану, удивленно вытаращившему мамины серые глазенки. Отчего-то ему безусловно верилось, что они встретят новый год вместе со своим папой.

В темно-сером зимнем вечернем небе «Барнеаполя», подсвеченные огнями аэропорта, кружились, лениво гоняясь друг за другом искрящиеся снежинки. На остановке уже ждал «под парами» автобус в город, такой «родной» номер сто десятый. Бузину вдруг вспомнился сон из самолета, казавшийся теперь не страшным, а смешным: «Как дети, ей-богу, в чем смысл жизни? Почему англичане говорят по-английски? Да потому-что!»

Улыбаясь, он заскочил в автобус.

Дремлет притихший...

В семьдесят-таком-то году Борька Трикстеров пошёл в первый класс. «В первый класс в первый раз!» – повторял он про себя смешашую его фразу, когда мама вела его за руку к школе, солнечным утром первого сентября. «А завтра, значит, будет: в первый класс – второй раз», – усмехнулся. «Стало быть, в последний день перед летними каникулами, триста шестьдесят пять минус девяносто два летних, минус все выходные, праздники, каникулы, точно всё равно сосчитать не получится, как там эти каникулы распределятся? Ну, допустим, детские белёсые брови нахмурились, «в первый класс – в сто девяносто седьмой раз», – подсчёт окончательно развеселил, и он хохотнул. Мама поняла это по-своему и, улыбнувшись, спросила: «Радостно?»

– Очень!

Родители Борьки, сотрудники научно-исследовательского института критики буржуазной идеологии и ревизионизма, сокращенно НИИ БИИР, считали, что к школе своего отпрыска подготовили вполне. Они знали, что он умеет читать и писать, считать в рамках арифметики, немного изъясняться по-английски, в пределах первого класса спецшколы, но не предполагали, насколько далеко это зашло на самом деле. Когда папа с мамой на кухне вполголоса на английском обсуждали необходимость поиска «аутентичного марксизма» и возможность адаптации идей франкфуртской школы к советской действительности, посмеивались над твердолобостью коллег из соседнего НИИ Научного Коммунизма (никак не сокращали), они даже не предполагали, что их разговор сканируется «снизу»*. А уж когда папа шутливо говорил маме: «Сдал отчёт по БИИР, может быть по беег?», их цинизм считывался стопроцентно, молча, не по-детски скрытно**.

В первом же классе, как и полагается, он впервые подрался, не очень успешно, хотя потом они с Сашкой Приговым стали лучшими друзьями. Но не о том речь. В школе первоклашек встретила просто замечательная учительница Серафима Петровна. Она всех протестировала (а вы думаете, в советской школе этого не было?) И выяснилось, что во всем классе бегло читать могут только двое. Боря Трикстеров и Лара Локиева, родители которой работали там же, что и борькины. Более того, беседуя с ними, Серафима Петровна выяснила, что в её новом классе только двое умеют не просто читать, но причем свободно, с пониманием и собственным мнением. «Какой ужас! – Думала она. – Эти „биркины детишки“ с ума меня сведут, или до увольнения доведут!»

После тестирования она попросила «этих двоих» задержаться. Она заварила дефицитный чай со слоником, достала вазочку с конфетами «дунькина радость» и, разлив чай по чашкам, спросила: «Что вы успели прочитать перед школой?»

Лара.

– Оливера Твиста, в оригинале.

– То есть, Диккенса..., на английском?

– Да. Или как вам ответить?

– Да уж лучше по-русски.

– А почему Оливера Твиста.

– Это первый роман в английской литературе, главным героем которого стал ребёнок.

– Действительно?

– Оф кос.

Серафима Петровна промокнула платочком испарину на лбу. С преувеличенно весёлой улыбкой и легкой дрожью в голосе она обратилась к Борьке.

В ответ увидела лучезарно-фальшивую улыбку мальчика, в сердце кольнуло.

– А ты чем удивись?

– В купе, забитом до отказа,
Играть пристроюсь в «дурака»,
Где чья-то глупенькая фраза,
вдруг выбьет смех из игрока.
Ко мне, склонившись доверительно,
Шепнет невнятное сосед,
Добавит срочно, «между нами»,
А ничего меж нами нет.

– То есть, это... твои стихи? – С почти нескрываемым страхом.

Да, я вообще не пишу стихов, так иногда, под настроение.

– Послушайте меня, звёздочки мои. Я без вашей помощи не справлюсь. Вы справные детки, вы просто..., пара, причем очень красивая. Вы должны вместе спеть песню!

– Хорошо хоть не подо льды сходить.

– А ты смешной! – Хихикнула Лариска.

– Я не знаю, смешной ли я, но завтра на песню, не могла бы мисс украсить свои локоны большими белыми бантами.

– Сир, неужели вы не находите большие белые банты банальной пошлостью?

– Отнюдь, это вдохновляет.

– Возбуждает, вы хотели сказать.

– Вы несколько агрессивны, или мне это кажется?

– Много чести, вы в плену иллюзии!

Серафима Петровна, как бы это сказать поприличнее, обожглась чаем и зажмурилась, втайне надеясь, что когда откроет глаза, этот дурной фантастический сон исчезнет, и перед ней окажутся нормальные дети, которых надо будет научить читать, писать и считать. Она набирала уже десятый первый класс, каждый из которого успешно доводила до третьего. Но таких детишек ещё не наблюдала.

– Хорошо, раз ты ставишь мне условие, то я имею право на ответное.

– И какое же?

– Ты выйдешь завтра обритым наголо, в белом свитере.

– Лариса, мне кажется, ты перебираешь. Его белые банты, по сравнению с твоими условиями, кажется несовместимы.

Всё-таки вмешалась учительница.

– Хорошо, Серафима Петровна, из уважения к вам, он может не бриться наголо, так, боксерская причёска. Я-то буду в школьной форме, мне положено. А он-то в белом свитере выйдет.

– Господи, что же я с вами буду делать?

– Да ничего с нами делать не надо. Рассадите по разным углам класса, и три года у вас будут два отличника.

– Кажется, я нарвалась на новое поколение, – почти всхлипнула Серафима Петровна.

– Поколение икс! – Долбанул Борька.

– Все равно ты смешной, – тихо сказала Лариска.

– Ну, тут сердцу не прикажешь.

– Я выполнил твоё условие! Крикнул Трикстеров, выходя на сцену бритым наголо.

– А я твоё, – она вышла в огромных белых бантах и школьной форме с накрахмаленным белым фартуком.

Им поставили две прочные табуретки, на кои они с достоинством водрузились. Милое девчачье личико, с огромными бантами и скуластое мальчишечье, под лысиной, повернулись друг к другу. Сурово переглянулись, смеясь глазами. И вдруг, чистыми детскими голосами дружно грянули.

Дремлет притихший северный город,
Низкое небо над головой
Что тебе снится, крейсер Аврора
В час, когда утро встает над Невой?

Кажется кому—то из ветеранов, сидевших напротив, сделалось нехорошо. Да ещё на дальних кошарах вздрогнули овцы, которые конечно не понимали всей опасности дремоты северного города, и его крейсера Авроры, но всё равно, дружно вздрогнули.

*В 1975 году под рубрикой «Критические очерки» издательство «Мысль» совместно с пражским издательством «Свобода» выпустило в научно-образовательное пространство Советского Союза знаменательное издание: «Социальная философия франкфуртской школы. Критические очерки». Несмотря на марксистско-критический тон (иначе было нельзя) и цитаты из материалов XXV съезда КПСС, для многих рядовых вузовских преподавателей и студентов это стало откровением. Перед ними приоткрыли таинственные, скрытые за железным занавесом идейные миры, в которых обитали такие загадочные, почти «фантастические» для советского интеллигента «твари», как Герберт Маркузе, Теодор Адорно, Эрих Фромм, Макс Хоркхаймер, Юрген Хабермас, Оскар Негт, Альфред Шмидт, Клаус Оффэ..., замаешься перечислять. Несмотря на предостерегающие на каждой странице осуждающе-критические вставки «от советского философского информбюро», интеллигентские головы начинали туманиться в поисках «аутентичного марксизма» с «человеческим лицом». В 1978 году вышло второе издание. Общий тираж – 20 тыс. экз. Для научного издания это – немало.

** На самом деле тогда существовали.

1. Институт Марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС. В 1991 году он прекратил существование. После ряда преобразований, в 2005 году был создан Центр комплексных социальных исследований при Институте социологии Российской Академии Наук (РАН).

2. Институт философии АН СССР, здравствующий и поныне под эгидой РАН.

Критика западных буржуазных идеологических концепций с позиций «советского марксизма» велась в обоих учреждениях. Те, кто был допущен к «сакральному» действию критики, имели доступ к запрещенной «простым смертным» литературе, имели несравненно более широкий кругозор, нежели иные советские граждане и конечно, в совершенстве владели наиболее распространенными иностранными языками. При этом, они не должны были забывать, что плывут в заминированном пространстве, где шаг в сторону от фарватера означал подрыв. Отсюда их утонченный, завуалированный цинизм. Всё это вполне могло отражаться на характерах и судьбах их детей.

Трикстеров – Трикстер – универсальный мифологический персонаж, пересмешник правильных героев.

Лариса (Лара) – просто очень умненькая одноклассница, с которой обменивались книжками. Закончила военный институт иностранных языков. Пропала с поля зрения. Женщины – они же, как разведчики, сменила фамилию и растворилась.

Локиева – Локи – скандинавский бог, шут, пересмешник, «позор семьи» скандинавского пантеона.

«Сашка Пригов» – Дмитрий Александрович Пригов – художник, поэт, прозаик, основатель направления московского концептуализма в литературе. Тот ещё язвительник. Умер в 2007.

Звездолюбивый Санька

Тёплыми летними ночами Санька обыкновенно занимался тем же, что и многие его сверстники: тусовались вокруг неработающего городского фонтана, хохотали, дурковали, колбасились, зажигали..., в общем, – всем своим видом являли томление молодых организмов вперемешку с неясными, но яркими ожиданиями незрелого духа. Ни чем таким особенным, от ровесников он не отличался, за исключением одной разве что странности: любил поговорить о звёздах. Не гламурных, спортивных или тусовочных, местного разлива, а о самых что ни на есть небесных.

Дождавшись паузы в разговоре, он, прищурившись и приоткрыв рот, вглядывался в чёрно-звёздное небесное полотно, и с вкрадчивой таинственностью умудренного незнания заводил: «Вот, сука, звёзды! – тут обычно спрашивали: «А чё звёзды?» – Да ничё! Тут, блин крутишься, крутишься, по жизни, выкруживаешь чего-то, а они есть и им все по херу! Нас не было, а они были. Нас не будет, а они будут!» Народ на минуту притихал, слегка обалдев от странности предложенной темы. Кто-нибудь пытался вернуть беседу в нормальное русло и говорил что-то вроде: «Ой, брось ты, крутится он! Когда полтинник отдашь, на прошлой неделе обещал!» Но Саньку, если уж он заводился, остановить было трудно: «Ну ты чё, блин, тролль такой! Ему про звёзды, а он про полтинник свой вонючий! Отдам скоро, ты лучше подумай...», – не зря в узком кругу его так и прозвали: «Санька-звездопад».

Санькину приверженность к звёздной тематике объяснить было трудно: книжек, как и большинство его товарищей, он не читал, – ни фантастики, ни беллетристики, ни «про звёзды». Открывал иногда разве что программу телепередач, из которых, скорее всего и нахватался отрывочных сведений, превратившихся в его голове в хаос из видеокартинки и слов.

Сидели как-то у фонтана, чесали языками. «Я в шоке!»; «Прикольно!»; «Да он сразу застремался!»; «О, какую мобилу надыбал, блю туз есть?», – сленг вперемешку с матом пронизывал воздух.

Мишка Бивень пришёл с двоюродным братом, приехавшим погостить из Питера. Брат Бивня был худенький и очкастый, все больше молчал, передали бутылку с пивом – сделал скромный глоток, вернул бутылку, все засмеялись, улыбнулся и он, – в общем, так как-то... Третий уж день небо было безоблачным и звёзды в изобилии украшали ночной потолок пространства.

– Вот глянь на небо, что сейчас видишь? – пристал к Ленке Скворцовой Санька.

– Звёзды, Санечка, звёзды, а еще вон, наверное, самолет летит, мигает.

– Не-ет, – торжествующе протянул Санька, – ты видишь пучок света, который звезда излучила миллиарды лет назад. Сейчас этот свет попал тебе на глаза, поэтому ты как бы видишь звезду, а ее, может быть, уже и нету вовсе!

– Как это, нету? Ты гонишь Санечка! – вяло отмахивалась Ленка.

– Саня опять в теме! Он у нас любит «за звёзды» потрещать, «звездопад», короче! – Бивень тихонько пояснял брату.

И тут бивнев брат, слегка заикаясь, произнес фразу, прозвучавшую в этой компании как инопланетный код: – Д-две вещи наполняют душу удивлением и б-благоговением, чем чаще и п-продолжительнее мы размышляем о них, – *звёздное небо надо мной и моральный закон во мне.*

– Чё? Как? – восторженно Санька, – Чего там «во мне»?

– М-моральный закон. К-категорический императив называется.

От слов «категорический императив» Санькин мозг переклинило, он начал раздражаться, но любопытство нарастало: – Ты русским языком скажи, что это за закон такой?

Брат Бивня сам был не рад, что ввязался в такой разговор. Деваться, однако, было некуда, и он нехотя сказал: – Закон звучит так: *поступай так, чтобы правило твоей воли могло всегда стать принципом всеобщего законодательства*. Есть еще вторая формулировка: *поступай так, чтобы ты всегда относился и к себе и ко всякому другому человеку как к цели и никогда как к средству*.

– Ну ёлы-палы, – тоскливо протянул Санька, – ну вроде русскими словами говорит, а ни хрена не понятно! Ну, вы чё-нибудь поняли? – повернулся он за поддержкой к компании.

– Мальчишки, кончайте эту бодягу, скукоту развели! Лучше б за пивом сходили, пока киоск не закрыли! – капризно промурлыкала Ленка Скворцова.

– Нет, а причем тут звёзды? Связь-то, какая? – не унимался Санька.

– Может, если человека т-тянет к звёздам, то, наверное, в нем есть этот з-закон. – Неуверенно произнес брат Бивня.

– Так все, завязывайте с философией, бабло собираем и за пивом! – поставил точку в дискуссии Бивень.

Поутру, расхаживая в трусах по квартире, Санька ощущал странное, доселе неведомое чувство неопределенности. Выйдя с сигаретой на балкон, он глянул в сторону фонтана: «Надо зайти к Бивню вечером. Поболтать спокойно, без наших мамонтов», – решил, и сразу стало поспокойней. Из соседнего открытого окна кухни явственно слышались ворчание матери и басовитый бубнеж отца:

– Вот что с ним делать, а? Учиться не хочет, работать не хочет, по вечерам шляется, а денежек же дай хоть полтинник! – сетовала мать.

– Пинать его надо на работу, пусть хоть грузчиком попробует... А там, в армии может чему научат. – Поддерживал разговор отец.

– Так год же еще до армии!

Санька состроил в сторону окна «козью морду» и закричал: «Да еду я шас, еду, объявлений вчера выписал, полтинник дайте!»

Выйдя из автобуса, Санька прикинул короткий путь до торгового центра, где по объявлению требовались продавцы CD и DVD-дисков, достал из кармана мобильник и, воткнув в уши гарнитуру, пошел дворами. Асфальтовая пешеходка плавно обогнула угол очередного дома и вывела к забору пустующего по случаю воскресенья детского сада, за которым, через небольшой парк, располагался торговый центр. На территории детсада, между качелями и миниатюрными беседочками, четверо парней яростными пинками валяли в пыли свернувшегося в калачик пятого, пытавшегося закрыть голову локтями. Рядом, азартно подпрыгивая, перебегали с места на место две девицы, снимавшие все это безобразие на камеры мобильных телефонов. Одиноким утренний прохожий, мужчина с брюшком, и кожаной папкой подмышкой, ускорил шаг, стараясь не глядеть и не слышать.

Санька знал непреложный закон самосохранения: в чужие разборки, в чужом микрорайоне – не суйся! Можно, конечно, позвонить в милицию, но, почему-то, такой мысли у него не возникло. Он вынул из ушей наушники и спрятал телефон в карман. «Вид, вид не загораживай!», – донесся визг одной из девиц, присевшей на корточки и державшей в вытянутой руке телефон с видеокамерой. Что-то будто толкнуло его в спину. Перемахнув через забор, Санька, чувствуя холодок в желудке, с натужной веселостью крикнул: «Аля-улю, что за дела!» Парни, примерно его же возраста, остановились и учащенно дыша, уставились на Саньку. «Вали отсюда, рахит, пока цел!», – озвучила их неповоротливые мысли сидящая на корточках девица, цветастые ее штанишки так низко сидели на бедрах, что видна была татуировка на копчике. «Брэк, упыри! Брысь в болото, гоблины!» – несло Саньку. Тут словно кто-то нажал на клавиатуре управления всей ситуацией кнопку Pause Break, и стоявшие как вкопанные парни, разом, молча, яростно кинулись на Саньку. «Бля-я, ну какого влез!» – тоскливо прозудело в Санькиной голове.

– Сотрясение мозга средней тяжести. Он сейчас спит под действием лекарств. Беспокоить не стоит. Мы вам скажем, когда можно. Да не бойтесь, бывает хуже. – Хирург был немногословен.

Санька-звездопад лежал на больничной койке. Он спал, и в бредовые больные его сновидения, принося облегчение, вплеталось теплое сияние далеких звёзд. А иногда, вдруг виделся странный человек: среднего возраста, низенький и тщедушный, белокурый, с голубыми умными глазами, в напудренном парике и треугольной шляпе. На нем был старинного покроя, как в историческом кино, коричневый кафтан с черной отделкой и золотым шитьем. На ногах у него были прикольные серые чулки и совсем уж дурацкие башмаки с большими серебряными пряжками. На боку висела короткая шпага. Что это за тип Санька и во сне не знал.

Метафизический метастаз Николая Петровича

Зловещий метафизический метастаз жизнь Николая Петровича получила еще в далеком советском детстве. Тогда в руки угрюмого и нервного десятилетнего мальчика бог весть какими ошибочно-неведомыми путями вместо «Трех мушкетеров» попала странная книга – «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского. Не пытаясь понять содержания философских измышлений, мальчик увлекся всевозможными анекдотами, уклонениями в сторону и острыми словцами, коими страницы книги насыщены были изрядно. Аттическая соль скрипела на зубах, здорово приправляя жизненную пищу. Особенно же нравилось сумрачному детенышу-книгочею вдруг почувствовать пульсирование холодной жилки под сердцем и мрачное веселие ума, сопровождавшего чтение описаний смертей мудрых эллинов, столь же изощренно-необычных, сколь дивно-странными были их слова и дела при жизни. Яростно хрустя сладким сухариком, он читал нескладные, но звучные переводы древнегреческих стихов-эпитафий:

Ты, Зенон, возымел благородное в сердце желанье —

Злого тирана убив, вольность Элее вернуть.

Казнь постигла тебя: *тиран истолок тебя в ступе.*

Нет! Это ложь: истолок тело твое, не тебя.

– Ма, а что толкли в ступах? – спросил Коля у матери.

– Ну, сахар, наверное, чтоб пудра получилась, или там, зерно, чтобы мука вышла, ягоды еще...

– Не то-олько. – Протянул Коля и с видом обладателя основных тайн закрылся в своей комнатке.

Философов толкли в ступах, они откусывали себе языки, выплевывая их в лицо тиранам, обмазывались перед смертью навозом, нанизывались на острый тростник во время купания, естественно, с летальным исходом, давились насмерть кто вином, а кто безудержным хохотом, – в общем, поле для воображения открывалось широкое.

Со временем первые впечатления переросли в главное увлечение. Правда назвать такое времяпровождение иноязычным словом «хобби» даже язык не поворачивается.

Философом (в смысле преподавателем философии) Коля не стал, потому что был он мальчиком осторожным, рассудительным и исполнительным. Однажды, во время домашнего застолья, гости водочно-селечочно умиляясь, пристали к Коле с тривиальным «кем хочешь после школы?» Одолевший к тому времени Диогена Лаэртского, Коля неосторожно брякнул: «пойду туда, где на философов учат!» От испуга гости отстали от него навсегда. А после их ухода поддавший, но не потерявший способность помнить, говорить и рассуждать отец толкнул воспитательно-профориентационную речь: «Нельзя хотеть быть философом! Летчиком можно, моряком, танкистом-таксистом, директором молочного комбината, как я, тоже сойдет. – И, опережая вопрос: „Почему?“, добавил. – Потому что хотеть быть философом – это, значит, хотеть быть... никем!» «Или быть сахарной пудрой», – про себя добавил Коля.

Вот уже много лет Николай Петрович трудился бюрократом: подписывал уже подписанные бумаги, носил на подпись, степлеровал, подшивал и ставил печати. Все это он делал с какой-то затаенной аккуратностью и исполнительностью, не обращая внимания на интриги канцелярских коллег и окрики начальства, словно проходя сквозь туман чего-то призрачного и ненастоящего. Возвращаясь домой с работы, был осмотрителен, боялся попасть под трамвай или отравиться некачественным пирожком с уличного лотка.

Настоящее, наполняющее жизнь тем смыслом, ради которого ее стоило оберегать, хранилось в однокомнатной квартирке Николая Петровича. Не было в этой квартирке ни жены,

ни кошки, зато был книжный стеллаж. Нижние его полки были заставлены книгами с биографиями знаменитых философов и всевозможных «учителей жизни», а на самой верхней лежала стопка тетрадей, и стоял толстый скоросшиватель, на корешке коего черно-жирным было выведено: **аналитика смертей**.

По выходным Николай Петрович с утра наводил канцелярский порядок в холостяцкой своей автономии, мысленно и предвкушающе слизывая капли размораживающейся субстанции своего сознания. А после обеда, раскладывая на письменном столе утыканные закладками книги, с помеченными маркером строчками в страницах, открывал очередную тетрадку и каллиграфическим почерком выписывал из книг, иногда надолго останавливаясь, уставясь невидящим взглядом в сиюминутное. Очнувшись, продолжал писать.

367. Кант Иммануил. «Смерть Канта ясна, как и его жизнь. Исполненный долг. Увядание. Кончина. Подробности просты. Субботу 11 февраля Васянский весь день провел у постели умирающего.

Прим.: Васянский – сосед Канта и главный друг в последние годы. По профессии – священник.

«Я спросил его, узнает ли он меня. Он не мог ответить и лишь протянул губы для поцелуя. Я был потрясен: он тянулся ко мне своими бледными губами. Это было прощание и благодарность за многолетнюю дружбу и помощь. Я ни разу не видел, чтобы он целовал кого-либо из своих друзей». Васянский больше не уходил. В комнате находились сестра Канта и его племянник.

Агония длилась сутки. В час ночи он очнулся, выпил несколько глотков подслащенного вина с водой. **Сказал: «Хорошо».**

Прим.: Последнее слово при жизни. Уверенность в правильности шагов. Подтверждается характером смерти.

И снова впал в беспамятство. Сознание больше к нему не возвращалось. К утру побледнел и одеревенел. Взор угас, хотя глаза оставались открытыми. Пульс прощупывался только на левом бедре. Васянскому пришлось стоять на коленях, чтобы не отпустить руки от того места, где еще теплилась жизнь. Дыхание слабело. Задрожала верхняя губа, и дыхание исчезло. Несколько секунд бился еще пульс, все слабее, реже и пропал совсем. Было 11 часов 12 февраля 1804 года. Кант умер». (Гулыга А. В. Кант. – М.: «Молодая гвардия», 2005. – С. 253.

Резюме.

Жизнь: долг – умеренность – работа – разум.

Характер Смерти: спокойная – закономерный итог жизни.

368. Декарт Рене (латинизированное имя Картезий). «Декарт умер от простуды 11 февраля 1650 года, в четыре часа утра, после семи дней жестокой лихорадки, безнадежного бреда и ускользающего сознания:

Получив известие о его смерти от секретаря французского посольства, Христина разрыдалась.

Прим.: Христина – шведская королева, почитательница трудов Декарта и косвенная виновница его смерти.

Чтобы почтить память своего «великого учителя» и показать потомству, что она умела ценить Декарта, она хотела похоронить его среди высших сановников государства, **у ног королей Швеции**, и воздвигнуть на его могиле мраморный мавзолей. Шаню убедил королеву не приводить этого плана в исполнение.

Прим.: Шаню – секретарь французского посольства в Стокгольме, друг Декарта.

Он рассуждал правильно, думая, что для покойного Декарта будет более подходящей простая могила на кладбище иностранцев, чем царственно пышная гробница в усыпальнице королей. Погребение состоялось 12 февраля 1650 года. Простой памятник указывал место,

*надпись, сделанная рукой друга, возвещала, что здесь покоится Декарт, **которого королева Швеции призвала из его философского уединения** к своему двору и которому Шаню поставил этот памятник». (Таранов П. С. Философский биографический словарь, иллюстрированный мыслями. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – С. 211.)*

Резюме:

Жизнь: Свобода – досуг – творчество – соблазн.

Характер смерти: наказание – следствие нарушения первых трех принципов в угоду четвертому.

Писательство это заканчивалось неизменно за 10 – 15 минут до начала программы «Время». Все аккуратно расставлялось и раскладывалось по местам, в душу возвращалось затаенное спокойствие на всю предстоящую рабочую неделю.

Почти неизбежно придет отпуск, и записи в тетрадках будут распечатаны на принтере, каждая смерть будет помещена в индивидуальный полиэтиленовый кармашек и подшита согласно алфавиту.

Памятник

Говорят, все кладбища похожи, по крайней мере, в одной стране. Кресты, надгробья, скромные и вычурные, дешевенькие и дорогие, надписи: «На долгую память...», «Тому, кто дорог был при жизни...», – вроде разные, но по сути то, об одном. Нет, есть, конечно, знаменитые, куда даже экскурсии возят: Новодевичье, Монмартр, Сент-Луис, Пер-Лашез, да мало ли, есть даже остров-некрополь Сан-Микеле в Венеции. Но мы о десятках тысяч деревенских погостах, «рядовых» кладбищах тысяч городов, где почти не встречаются на памятниках знаковые для истории имена, не снимается кино, о которых нет информации в путеводителях для туристов. Хотя по мне так: что Монмартр, что погост какой-нибудь Дубровки в российском Нечерноземье – всё об одном.

На похоронах Никиты Совиных, честно отжившего свои 89 лет, односельчане деревни Родничково, не могли не заметить бросающееся в глаза «обновление» своего небольшого кладбища. На пригорке возле леса возвышался ярко отражающий лучи майского солнца своими лакированными гранями, солидный по размерам и роскоши для здешних мест черный гранитный обелиск.

Бросив прощальную, гулкую горсть на крышку гроба, участники похоронной процессии, кто потихоньку, бочком, а кто и широкими, не скрывающими намерений шагами, направлялись к этому непонятному «артефакту». В процессе изучения его, у некоторых непроизвольно открывался рот, а кое-кто судорожным движением лез в карман за мобильником. С лакированной поверхности сусальным золотом блистало изображение знакомого всем лица в опять же всем известной тирольской шляпе, но еще более шокировала надпись внизу.

Гранкин С. И.

1951 -...

«Всяк сюда входящий, всегда живи по совести и чести, не теряй свой стержень, во всем, всегда и везде знай свою меру, никогда не лезь сюда без очереди, не обижай больных, слабых и пожилых...»

Мастер.

Лауреаты премии им И. М. Гранкина

И далее 17 фамилий, с указанием года получения оной.

...

Семен Гранкин, после того, как лет 25 назад враз бросил пить и курить, в застольных посиделках ни с кем не участвовал, в гости не ходил и к себе не приглашал. Слыл нелюдимым, разговаривал только по делу. А любое дело в руках спорилось: он был классным сварщиком с собственным аппаратом, добротным сантехником с полным набором инструментов, электриком, автослесарем и вообще деревенские считали, что нет такого дела, которое ему не по плечу. За что, прощая грубоватую замкнутость в общении, односельчане его уважали, прозвав «мастером». Редко кто не обращался к нему за помощью, не в райцентр же за сварщиком ехать, когда такой свой есть. Но делал это он недаром, и не за водку, да харч, а за деньги. Видимо поэтому, уважение не перерастало во «всемирную любовь», были и завистники, шипевшие злобно: «ишь, какой дом себе отгрохал, что он там, один, делает?» – Семен действительно, как бросил пить, первым делом развелся с женой, более повторять семейный опыт никак не желал. Те же завистники ухмылялись: «глянул на женку трезвыми глазами, да и прогнал». В долг никому не давал, в дорогой одежде не щеголял, тревоугодием не страдал, но и прижимистым назвать его язык не поворачивался. В спокойные нулевые, повадился в заграничные туры, где иногда, из познавательного интереса, нарушал свои правила: В Праге попробовал «печено

вепрево колено» под кружку настоящего чешского, в Венеции – лозанью, под рюмку граппы, а из Австрии он привез настоящую тирольскую шляпу с пером. Как прошелся по родным пенатам, так деревня и схлопнулась в весёлом недоумении. Гранкин внешностью своей весьма смахивал на Шарикова из знаменитого фильма «Собачье сердце», и тирольская шляпа на его голове, делала его просто..., ну глаз не оторвать..., а теперь ничего, привыкли. На восстановление храма пожертвовал крупную сумму, на день села откупал придорожное кафе «Теремок», куда каждый односельчанин мог зайти, отведать фирменных теремковских пельменей в горшочках под рюмочку чего-нибудь. Но главное, он учредил в местной школе премию имени своего отца, кавалера двух орденов Славы, отработавшего в этой школе после войны трудовиком добрых лет двадцать, уважаемого в деревне человека. Директор был не против, районо согласилось, а что, ведь не в каждой российской школе эдакая фишка имеется. И все – честь по чести, красивая грамота, конвертик. Медалисты – отдельно, а здесь чтоб и учился хорошо, и спорт, и во всем активист, и душа коллектива, и учительскому сердцу отрада, – лучшие и любимые. Со временем гордиться стали, в школе рядом с доской почета для медалистов новую повесили: «лауреаты премии им. И. М. Гранкина», всего – 17 человек. Их имена то и оказались теперь рядышком... на кладбище.

...

Единственное в деревне кафе «Теремок» собственно предназначалось для водителей и пассажиров проходившей мимо трассы М-169. Однако расположение его было в определенном смысле удобно и даже символично. Слева в окнах была видная березовая роща, сверкающая клейкой юной, еще не запыленной майской листвой. Справа видна была трасса, за которой располагалось деревенское кладбище. Ешь, пей, радуйся жизни, о бренности не забывай. Поминальные обеды здесь были привычным делом – кафешке постоянный заработок и деревенским удобно.

У окошка с видом на кладбище сидели пятеро молодых людей, те из семнадцати, кто приехал на выходные домой, поглазеть на «мемориал».

Костя, студент технического университета, выпуск 2014.

– Вот никогда не думал, что окажемся за одним столом. Мы ведь даже не одноклассники. Андрей, бизнесмен, выпуск 2007.

– Мы теперь больше, чем одноклассники, заочно в одну братскую могилу зачислены.

Настя, студентка филфака пединститута, выпуск 2015.

– Ой, вот не надо так шутить, дрожь по коже!

Николай, инженер-испытатель автозавода, выпуск 2006.

– А по мне так забавно. Эта штука действительно смахивает на братскую могилу. Кстати, есть примета, если человека объявили погибшим, а потом, неожиданно для всех он оказался живым, то жить ему очень долго.

Петр, врач-психиатр областной психиатрической больницы, выпуск, 2005.

– Не срабатывает примета, нас никто погибшими не объявлял.

Настя.

– Ну да, там же ясно написано: «никогда не лезь сюда без очереди».

Андрей.

– Ага, то есть в очередь сразу за ним. Интересно, в каком порядке, по годам выпуска?

Настя.

– Шутки шутками, все же интересно, зачем ему это понадобилось? Этот камешек, как я понимаю, дорогая штука, лучше бы съездил еще куда-нибудь, сомбреро что-ли купил.

Петр.

– В психиатрии есть такое понятие – атазагорафобия.

Все хором.

– Что?

Петр.

– Ата-за-гора-фобия. Патологическая боязнь быть забытым.

Андрей.

– Вам, психиатрам, лишь бы объявить человека...

Петр.

– Ошибаешься, не те сейчас времена. Да и Гранкина вряд ли можно считать клиническим, работу он свою знает, пользу обществу приносит реальную. Но, согласитесь, в деревне его всегда считали странным. Просто он явно афиширует свою сверхценную идею. Вот откуда вы знаете, что он там в своем новом доме один делает, говорят у него даже телевизора нет. Может, разрабатывает «новую теорию» загробной жизни, согласно которой, чем больше его будут помнить на этом свете, тем комфортнее ему будет на «том».

Николай.

– Да уж, мы-то уже его не забудем.

Настя.

– Смотрите! А это не он идет?

Все кинулись к окну.

На кладбище мелькало перо тирольской шляпы.

– Что у него в руках?

– Похоже, сумка с инструментами, наверное, молоток с зубилом, наши имена идет сбивать.

– Значит, администрация надавила.

Семен Иванович действительно шёл с молотком и зубилом. Про себя он бормотал: «Не поняли, не оценили, эх люди...»

Липовые аллеи

Когда я читаю что-то вроде: « Он властной рукой привлек ее к себе, она ахнула, ... он вошел в нее...», – Мне очень хочется притащить этого писаку к памятнику Тургеневу или Бунину и..., расстрелять! Нет, что-то в этом роде уже написал Поляков, пусть сам и стреляет.

– Раз, два, три-и! Раз, два, три-и! Просыпайся детвора, нам давно гулять пора! – Румяный и веселый физрук Крайницкий, ворвался в вожатскую, свистнул в свисток. – Нет, это наглость! Я ваш отряд на зарядку поднял, они уже территорию убирают. А вы!?

Что мы? – Пахомов грузно приподнялся с кровати.

– А где твой напарник, вы тут совсем что-ли...

– Нет, мы не совсем..., отнюдь...

– Старшуха сказала, что через час вы должны предоставить для репетиции свою красоту от отряда, лучше две!

– Нет, я без Санина никого представить не смогу!

– Ну, так ищи его!

В каптерке пожарного Санин сидел на полу. На кровати спала его сокурница Лена. Он потянулся и посмотрел на нее, спящую. Шелковый черный завиток ласково, через щеку, спускался к губе. Она дышала ровно и красиво, прядь волос подрагивала в такт дыханию.

Санин усилием воли восстанавливал в памяти вчерашнее...: « ...приехали они, к вечеру, Ленка и Танька, кстати, а где вторая? Ладно, это потом. Потом, потом..., вроде ночью пили, стихи читали, потом..., купались в бассейне..., стоп! Ярким проблеском совсем рядом жгучие карие глаза. Чьи? Ленкины?»

Санин глянул на спящую Лену, глаза были плотно закрыты.

«Потом, потом..., я сказал, что пора спать. И мы пошли с Ленкой спать, вот так..., то есть она пошла со мной???!»

Санин внимательно оглядел себя, спящую Ленку: « Да не было ничего! И быть не могло! Не могло?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.